

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РЫНКА И СТРАТЕГИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРОБЛЕМ ГОРОДСКОЙ БЕДНОТЫ: УРОКИ ФИЛИППИН*

Городская дилемма: глобализация как противоречивый процесс

Обсуждение проблем глобализации никогда не сводилось к упрощенным обобщениям. Представления о всемирной гомогенизации с недавних пор стали подвергаться критике как «мифические» [1, р. 69 – 93] и как в завуалированной форме возрождающие теорию модернизации [2]. До недавнего времени глобальное общество, экономика и культура виделись как процесс нарастания разнообразия, усложнения и гетерогенности [3], при этом главное внимание уделялось неравномерности тенденций глобальной интеграции [4]. Вместе с тем, процесс глобализации происходит не вне времени и пространства, он имеет конкретную пространственную привязку к определенным регионам; он транснационален, но не всеобъемлющ. Глобализация привела и продолжает вести к дальнейшей концентрации власти и контроля за ресурсами и тем самым способствует возникновению новых центров такой концентрации. Появление мировой экономики само по себе не приводит к возникновению «глобального пространства», но оно получает объективное выражение в крупных городах и метрополиях. «Города служат звеньями глобального общества», — пишут Найт и Гэпперт [5, р. 12]. Львиную долю экономической выгоды от глобализации получает небольшое число «мировых столиц» [6], но борьба за нее расширяется и становится все более жестокой. Одновременно со все большим переплетением всемирных сетей растет количества мегаполисов, играющих особую роль. Традиционным мировым центрам — таким как Нью-Йорк, Лондон, Токио — сегодня брошен вызов новыми честолюбивыми столицами, подобными Сингапуру или Куала-Лумпур, — городами, стремящимися к первенству по меньшей мере в своем регионе.

Однако не все последствия глобализации благоприятны для крупных городов. В настоящей статье на примере Манилы будет продемонстрировано, что процесс глобализации является противоречивым по своей сути: усиленная интеграция в глобальном масштабе связана с процессами фрагментации и дезинтеграции самих мегаполисов. Не город как целое становится частью глобального общества, а его четко разграниченные социальная, экономическая и про-

* Статья основана на материалах полевого исследования, выполненного автором в период его работы в Исследовательском центре социологии развития Билефельдского университета (Германия) и финансируемого фондом *Deutsche Forschungsgemeinschaft*.

странственная составляющие. Как писал М. Вебер [7], средневековый город являлся не только местом-рынком, но также и военным укреплением. Город воспринимался за своими пределами как средоточие богатства и в то же время как нечто чужеродное. Поэтому он должен был быть защищен от вторжений извне. Подобно этому современные мировые столицы воздвигают своеобразные интернациональные цитадели, которые ограничивают связи с внешним миром и пытаются контролировать в них доступ извне при помощи физических и социальных барьеров. Здесь глобальная информационная экономика с ее продвинутыми технологиями и транснациональной корпоративной культурой безраздельно властвует как над физическим, так и над социальным обликом метрополии. Главными действующими лицами глобального общества являются бизнесмены, эксперты и менеджеры. Однако такой образ города «не учитывает множество других видов деятельности и форм труда, которые... в той же мере, что и международные финансы, являются частью процесса глобализации» [8, р. 9]. Исторически каждый город зависел от своих периферийных районов; сегодня глобальная экономика метрополии связана с не-корпоративными, локальными секторами, которые выглядят отсталыми и маргинальными.

Быстрое расширение этих секторов можно наблюдать во всех метрополиях, и это связано с сущностью самого глобального общества. Метрополия динамично развивается, что проявляется в широких масштабах ведения строительных работ: расширяются старые бизнес-центры, появляются новые, быстро растет потребность в помещениях под офисы, высотных жилых домах, гостиницах, дорогих жилых кварталах, торговых центрах и центрах отдыха. Все это должно быть обеспечено инфраструктурой, соединено маршрутами общественного транспорта, линиями связи, а также должно содержаться в чистоте, в хорошем состоянии и охраняться. Даже в центрах мировой экономики численность строительных рабочих, уборщиков, официантов, швейцаров, клерков, охранников, водителей, домработниц и поставщиков всех видов мелких услуг и торговли явно превосходит численность менеджеров и специалистов. В развивающихся странах массовая миграция из сельской местности ведет к переизбытку неквалифицированной рабочей силы. Результатом этого является низкий уровень заработной платы, который хотя и создает таким странам некоторое преимущество на глобальном рынке, но, одновременно, ведет к уменьшению спроса на труд и еще большему понижению уровня заработной платы в индустриально развитых странах. Таким образом, рост бедного городского населения является скорее неизбежным результатом, чем аномалией в развитии крупного города.

Обострение конфликтных ситуаций в городе — результат того фундаментального противоречия, которое мы ранее обозначили понятием «городская дилемма» [9, р. 208 – 222]: динамика экономического развития метрополии, ввергнутой в процесс глобализации, начинает угрожать тому, без чего метрополия не может существовать — притоку дешевой рабочей силы. С одной стороны, городская земля становится дефицитной и дорогостоящей как никогда прежде; с другой — растет число людей, большинство из которых составляют мигранты, привлеченных новыми экономическими возможностями, но не способных платить рыночные цены за жилье. Рынком земли правит беспощадная конкуренция: взлет цены на недвижимость, сопровождающийся экономическим ре-

структурированием городов, приводит к массовым переселениям людей, причём часто в принудительном порядке. В ходе возрождения экономики Филиппин в последние годы иностранные инвестиции в недвижимость — преимущественно японские и тайваньские — стимулировали спекуляцию землей и тем самым способствовали повышению цен в Метро Маниле*.

Начиная с 1970-х годов население Манилы испытало на себе усиление процессов фрагментации, деления на анклавов и де-дифференциации, причиной которого стало изменение социальной и экономической структуры городского пространства. Реальные и воображаемые различия между классами и культурами становятся социальными и пространственными границами, делящими город на различные территории. В результате в городе обозначились резкие контрасты: с современными международными центрами, неизменными атрибутами которых являются небоскребы, тенистые парки и роскошные бульвары, соседствуют одноэтажные и тесные районы трущоб. Непосредственное соединение глобального и локального, богатства и нищеты, дворцов и хижин характерно для любой метрополии и, по крайней мере частично, вызвано именно глобализацией. Центр и периферия больше не отделены друг от друга принадлежностью к различным регионам мира — они прямо противостоят друг другу в крупнейшем городе [10; 9, р. 208 – 222].

Однако дихотомическая модель с ее понятиями «раздвоенный город» (dual city) или «поляризация» не вполне отражает гораздо более сложную социальную реальность. Маркузе [11, р. 697 – 720] совершенно справедливо называет термин «раздвоенный город» «запутывающей метафорой». Подчеркивая различие между городскими районами, служащими витринами глобального мира, и соседствующими с ними окрестностями, отмеченными печатью вырождения, дихотомическая модель не обращает внимания на высокую степень дифференциации внутри последних. В современной метрополии мы находим не просто два противоположных мира, но, скорее, глобальное общество и «множество социальных вселенных, фундаментальными характеристиками которых является их фрагментация, строгая определенность своих границ, и низкий уровень коммуникации с другими такими же вселенными» [12, р. 226]. Феномен деления города на кварталы исследуется в социологии города начиная с работ Чикагской школы. На фоне глобализации существенно важным становится осмысление динамического и конфликтогенного потенциала процессов фрагментации. В качестве подхода к анализу этой проблемы можно предложить исследование, проведенное автором в столице Филиппин городе Маниле.

Разделенный город: локальная раздробленность Манилы

В русле глобализационного процесса именно сосуществование в рамках единой городской территории столь отличающихся друг от друга районов стало причиной открытых конфликтов в Маниле, Бангкоке, Мехико, а также в Париже и Лос-Анджелесе. Немецкий автор Х. М. Енценсбергер говорит о «молекулярной гражданской войне» в городах. В самом факте существования контрастов и разнообразия внутри городов нет ничего нового [ср.: 13, р. 1 – 24]. Но что действительно является новым, так это взаимная *изоляция* различных составных

*Термин «Метро Манила» относится к объединению 6 городов и 11 муниципалитетов, составляющих Национальный Столичный Регион.

элементов города, их сегрегация и взаимоисключение. Еще в 50 – 60-х годах представители манильской элиты могли проживать в довольно бедных городских районах [14, р. 134], но с тех пор картина полностью изменилась. Железный занавес, отделяющий богатые кварталы от кварталов, где обитает большинство населения, становится все более и более непроницаемым*. Привилегированная часть горожан не только исключила из своих связей и знакомств всех остальных, но при этом буквально сама себя заперла на замок. При этом ситуация порой доходит до абсурда: целые семейства погибают при пожаре, когда их дома-крепости превращаются в западни, куда пожарные не могут попасть. Во многих районах Манилы не покидает ощущение пребывания в осажденном городе. Не только банки и гостиницы, но и выходы из универсамов, ресторанов и даже заведений быстрого питания охраняются до зубов вооруженными силами безопасности.

Однако картина осажденного города обманчива. «Осаждающие» наступают не извне, они сами — обитатели этого города. Более того, их роль в социальной жизни Манилы огромна. Те, кого называют городской беднотой, — это люди, живущие в трущобах и на территориях нелегальных поселений**. Эта категория включает в себя не только безработных, людей без постоянного места работы и лиц, занятых в неформальном секторе экономики, но и тех, кто составляет главные сегменты среднего класса — полицейских, учителей, медсестер, клерков, персонал торговых заведений и т.д. Их отношения с городом можно охарактеризовать как включение и исключение одновременно. С одной стороны, многие из них полностью интегрированы в рынок труда, а с другой — они не имеют возможности законным путем добыть себе жилье и тем самым лишены доступа к городу как таковому, поскольку «непременным условием существования в городской среде является возможность использования городской земли для постройки дома, хижины или, по крайней мере, наличие временного пристанища для сна, еды и удовлетворения других физиологических потребностей. Этот доступ к городской земле регулируется правами собственности, которые тем самым контролируют саму возможность существования — по крайней мере, физическое — на территории города. С этой точки зрения, доступ к городской земле становится основной человеческой потребностью в условиях города» [17, р. 481]. «Право на город» [18] и предоставляемые этим правом шансы и возможности становятся поводом к росту числа конфликтов и конфронтаций.

Усиление глобальной интеграции прежде всего означает расширение этих возможностей. В период экономического возрождения Филиппин при правительстве Рамоса, когда иностранные инвестиции увеличились вдвое, большинство успешно развивавшихся региональных центров, таких как Олангопо и

* В одном из наблюдаемых мною случаев ассоциация местных жителей заблокировала улицу, ведущую в соседний, весьма уважаемый квартал баррикадой трехметровой высоты, сочтя предыдущие принятые меры безопасности недостаточными. Администрация и полиция не стали вмешиваться [15, р. 164].

** Хотя слово «сквоттер» является юридической категорией, термин «обитатель трущоб» связан с физическими характеристиками места проживания, а понятие «городская беднота» — с уровнем доходов людей, в филиппинской литературе эти термины не различаются и используются в качестве однопорядковых [16, р. IV]. Эта терминология отражает практику деления горожан на тех, кто имеет законный, гарантированный доступ к земле, и тех, кто не имеет. Однако при этом не учитывается тот факт, что отнюдь не все сквоттеры бедны и живут в лачугах.

Себу-Сити, вошли в состав Большой Манилы*. Столица даже стала более привлекательной для мигрантов из сельской местности. Городское население Манилы составляет приблизительно 12 миллионов и ежегодно увеличивается на сотни тысяч. Нехватка рабочей силы, приводящая к незначительному повышению уровня заработной платы, компенсируется за счет внутренней миграции.

В то время как рынок рабочей силы выглядит почти неиссякаемым по причине застоя в сельском хозяйстве, городская земля становится дефицитным и потому чрезвычайно дорогим товаром. Только за период между 1992 и 1995 гг. цены на недвижимость в центральных районах Манилы возросли втрое, в пригородах повышение цен на 1000 и более процентов стало обычным явлением. Восточно-Азиатский кризис в 1997–1998 гг. лишь на время задержал рост цен. Усугубляющаяся земельной спекуляцией вышеуказанная городская дилемма приводит к тому, что рыночные механизмы не дают возможности обеспечить жильем большинство населения. В то же время попытки государства разрешить проблему за счет реализации социально ориентированной политики предоставления жилья остались в большинстве своем неэффективными и не сумели оказать поддержку целевой группе, т.е. городской бедноте**. Заработной платы школьного учителя не хватает на то, чтобы снять самую скромную квартиру. А чтобы купить участок земли в 100 кв. м (не говоря уже о доме) в жилом районе, занимаемом средним классом, ему пришлось бы заплатить бы сумму, превышающую его доходы за весь период трудовой деятельности. Переезд в пригород также не может служить выходом из сложившейся ситуации: для тех, у кого при небольших доходах велик рабочий день, любое увеличение затрат времени и средств на дорогу превышает их возможности. Для того, чтобы оставаться конкурентоспособным на рынке низко- и среднеквалифицированного труда, необходимо жить недалеко от центра города, который является центром занятости.

Неизбежным результатом и обычным решением городской дилеммы являются широкое распространение сквоттинга — незаконного поселения на государственной или частной земле. Сквоттерские поселения являются в настоящее время местом обитания более чем половины населения Манилы. Их роль весьма существенна, поскольку они дают возможность жить в пределах города при низком уровне заработной платы. Глобализированная столичная экономика обязана своим существованием наличию сквоттерских колоний и не в состоянии функционировать без их субсидий [15, р. 4]***. Несмотря на то что функциональная необходимость «самостроения» препятствует любому серьезному решению «сквоттерской проблемы», это не ослабляет давления на существующие сквоттерские поселения. Земля в стратегических районах стала основным властным ресурсом, что означает, в свою очередь, что те, кто не обладает этой властью рано или поздно будут выселены и потеряют свободный

* Ср.: [19, р. 131–158].

**Успехи жилищной политики в Сингапуре демонстрируют возможность избежать такой неудачи. Но даже если бы Филиппины были способны вложить такое же количество средств в проекты жилищного строительства (что маловероятно в обозримом будущем), управлять потоком мигрантов, прибывающих из сельской местности, трудно.

***Очевидно, что частные землевладельцы вряд ли легко согласились бы на такое субсидирование.

доступ к городу. Выселения сквоттеров и ликвидации их поселений действительно регулярно происходят в Маниле. Однако даже в центральных районах можно найти такие трущобные застройки и сквоттерские поселения, которые в течение 30 и более лет успешно отражали любые попытки благоустроить или уничтожить их. Спрашивается: почему лачуги и поселения сквоттеров продолжают существовать в центре города? Как беднякам удастся защищать столь многочисленные участки присвоенной городской земли от богатых и могущественных соперников, участвующих в «глобальных играх»? Это центральный вопрос данного исследования.

Чтобы на него ответить, автор провел изучение 27 трущобных кварталов, расположенных в различных районах Манилы, пять из которых были отобраны для углубленного исследования. Наряду с полустандартизированными и стандартизированными интервью, главным методом исследования явилось включенное наблюдение. Полученные результаты показали, что социальные отношения в локальном контексте могут служить отправной точкой для появления групп, способных к коллективному действию и участию в конфликте. Следующий раздел настоящей статьи посвящен анализу главной функции, выполняемой ассоциациями местного уровня, являющейся также основой их возникновения. Речь пойдет о формировании общинной идентичности внутри поселения и за его пределами, а также о тех функциях, которые эта идентичность выполняет. Итогом исследования будет анализ стратегий достижения организациями их главной цели, а именно: защиты своей территории. Из проведенного анализа станет очевидным, что эти организации являются не жертвами, а активными участниками борьбы за городскую землю.

Повседневность, территория и формирование группы

Городские беспорядки и акты сопротивления властям рассматриваются последователями Каstellса [20; 21] в качестве «городских общественных движений». Эмпирические исследования латиноамериканских городов выявили значительную роль территориальных общин (называемых по-испански *«barrios»*) для возникновения коллективного действия среди городской бедноты. Фридман и Салгуеро [22, р. 3 – 37] установили, что городское движение фактически является «движением таких общин — *barrios*». Наиболее важным условием формирования группы сегодня является уже не место ее членов в процессе производства, а, скорее, наличие множества повседневных взаимодействий и взаимозависимостей между ними в районе общего проживания. Обоснованность использования такого признака, как территория, подтверждена эмпирическим изучением бедных жилых кварталов в Маниле: на первый взгляд бесконечные и однообразные поселения сквоттеров разделены порой неприметными, но общепризнанными границами. Для некоторых общин характерны интенсивные внутренние отношения и относительно редкие контакты с другими общинами. Каждое из таких локальных поселений имеет название и свою историю, которая может стать основанием для создания коллективной идентичности [22, р. 8]. Постоянные жители ощущают свою принадлежность к месту проживания как право претендовать на владение им: «Они считают, что

*Конечно, «многочисленные» — понятие относительное: даже при том, что более половины столичного населения являются сквоттерами, они занимают менее 10% городского пространства.

длительным пребыванием на этой земле они завоевали право собственности на нее» [23, р. 88].

Активное развитие общин, которые могут надеяться на успех в отстаивании этого «права» на собственную землю, отнюдь не является естественным или автоматическим процессом. В поселениях сквоттеров Манилы отсутствуют условия для возникновения дюркгеймовской «механической солидарности», основанной на равенстве. В противоположность расхожим представлениям, в гетто и на депрессивных территориях нет однообразной бедности. Вместо этого мы обнаруживаем особые социальные миры, разнородные и дифференцированные. Во всех исследованных нами районах проживали мигранты из различных регионов, говорящие на разных диалектах. Статусные различия и экономическое неравенство людей, живущих бок о бок, очень велики: мусорщики живут рядом с успешными предпринимателями, поденные рабочие — с учителями и полицейскими. Соотношение доходов 20:1 между богатыми и бедными семьями является вполне обычным явлением. Возникновение в таких условиях «социальной сплоченности» [24] и интеграции — процесс в высшей степени условный и сложный.

Эти трущобы и поселения сквоттеров не похожи на общины в новых поселениях, для которых характерна родовая замкнутость кланов, основанная на общем семейном или региональном происхождении, и которые безучастны друг к другу. Священник из Пайтас, пригорода Манилы, так описывает трудности общинной организации:

«Люди здесь еще не прижились. Во-первых, они оказались здесь не по своей воле. Их разрушили*, и городское правительство вытеснило их на частную землю, где они снова стали нежелательными сквоттерами. Они чувствуют, что у них нет места, к которому они принадлежат. Чтобы прочно обосноваться на новом месте, нужно десять, а то и больше лет. Но без этого не появятся доверие и солидарность между людьми. Невозможно заставить соседей сотрудничать друг с другом: они будут помогать друг другу, только если это выгодно для них или же если у них не будет другого выбора».

Неизбежная пространственная близость в перенаселенных поселениях сквоттеров является основным фактором в сокращении социальной дистанции и преодолении различий. Когда стены тонки, а окна открыты, то невольно становишься участником семейной жизни соседей, видишь, как растут их дети, делишь с ними радости и печали. Теснота жилищ вынуждает выносить на улицу выполнение многих видов деятельности, считающихся сугубо домашними в других местах. В более ранних исследованиях [25; 26] подчеркивалась роль уличной жизни в соединении различных сфер личной жизни и в сегментировании трущобных районов. По наблюдениям Госса [27, р. 273], пространство, созданное таким образом, является «общинным», а не «общественным»: любой *di-kilala* (незнакомец; буквально: человек, с которым лично не знаком), появляющийся здесь без сопровождения человека, заслуживающего доверия, попадает под подозрение и становится объектом наблюдения. В пределах своего района местные жители чувствуют себя комфортно и безопасно: привычное

*Употребление выражения «их разрушили» вместо «их дома были разрушены» характеризует особенности языка сквоттеров. Оно свидетельствует о глубоком экзистенциальном смысле всякого разрушения для этих людей.

окружение, хорошо знакомые лица и люди, предсказуемые и регулярные события и действия. Соседские отношения — это в основном отношения между женщинами. Торбек [28] называет местных женщин «созидателями трущобной жизни и трущобной культуры». Женщины встречаются у водоколонок общественного пользования, где они стирают белье, или у колодцев, где берут воду. Они обмениваются рисом и другими продуктами, ходят вместе на рынок, приглядывают за соседскими детьми или просто вместе сидят и смотрят на играющих детей. Годы жизни бок о бок становятся фундаментом взаимного доверия и зачастую близости и дружбы.

Многочисленные, переплетенные друг с другом сети отношений, основанные на родстве, соседстве и дружбе, дополняются функциональными отношениями. Большинство семей сквоттеров так или иначе принимает участие в местной теневой экономике, которая помогает сократить расходы или обеспечивает дополнительным доходом. Эта деятельность включает распределение воды и электричества, мелкую торговлю, ремесленное производство, выращивание домашнего скота и культивирование растений, а также азартные игры. Локальная экономика характеризуется высокой степенью «внедренности», в смысле К. Поланьи. Личные отношения играют главную роль как в большинстве сделок и союзов, так и в распределении рабочих мест и кредитов. Однако экономические отношения далеки от равноправия: занятость в неформальном секторе экономики, как правило, связана с зависимостью и крайней степенью эксплуатации, а ростовщические процентные ставки приходится оплачивать деньгами, взятыми в кредит.

Важную роль в соединении разных социальных сетей играет брак. Каждая свадьба (а затем крещение) объединяет два семейства, таким образом увеличивая выбор для создания одних союзов и, возможно, отдаления от других. Кроме того, принятая и распространенная испанская система *compadrazgo* (кумовство) позволяет включать в союз других родственников, друзей и деловых партнеров. С точки зрения здравого смысла, любые интенсивные отношения между родственниками, соседями и друзьями будут рано или поздно формализованы и тем самым усилены [29, р. 70]. В повседневной речи люди не делают различий между понятиями «*kumpare/kumare*» (кум/кума) и «друзья». Появляющиеся в результате связи пересекаются с первичными группами, основанными на кровном родстве и общем происхождении, но остаются локально фокусированными. Они становятся непосредственным выражением социальной сплоченности, объединяя разнообразные сегменты в сообщество.

Множество социальных сетей, которые обычно определяются термином «*compadrazgo*»*, состоят из ограниченного числа семей. Многие из них являются богатыми и имеющими длинную историю. Например, это владельцы трущоб, сдающие в аренду здания и помещения; это отдельные лица и целые

* Утверждение Фостера [30, р. 167] о *compadrazgo* в Латинской Америке может быть применено и к Филиппинам: «Сложность системы *compadrazgo* в Новом Мире превзошла таковую в Испании, что в значительной степени стало следствием развития этой системы применительно к потребностям становящейся социальной структуры Америки после ее завоевания». Ритуальное родство, возникающее из участия в христианских крестинах, воспринимается в ней очень серьезно. Отношения между свояками (*compadres/comadres*, *kumpare/kumare*) всегда подчеркиваются.

семейства, контролирующие доступ к жизненно важным ресурсами: колодцам и электрической сети; это люди, имеющие связи с политическими деятелями, представителями городской администрации и предпринимателями за пределами данной местности; это предприниматели, дающие работу множеству местных жителей, и торговцы, у которых можно купить в кредит. Довольно часто одна семья контролирует два или больше видов ресурсов и за счет этого обладает значительной властью. Однако положение таких семей остается зависимым от уважения и доверия к ним со стороны местного сообщества. Далее будет показано, что именно эти «узлы» локальных сетей играют решающую роль в формировании организованных групп, способных к коллективному действию и конфликту.

Локальное пространство характеризуется высокой плотностью социальных взаимодействий, отношений и взаимозависимостей. В течение длительного процесса социальной интеграции местные жители развили определенную общинную идентичность и «мы-сознание» и стали воспринимать себя в качестве группы. Плотная сеть как личных, так и функциональных отношений и зависимостей приводит к появлению взаимного доверия и, как следствие этого, относительно устойчивых и долговременных альянсов. Хотя формирование группы и возникновение коллективного действия — процесс длительный, чреватый задержками, люди, появившиеся позднее, интегрируются в группу достаточно быстро. Жители более старых и обустроенных районов в разговорах всегда подчеркивают, что их место отличается от других районов и оно намного лучше. Такие места, как часовни, баскетбольные площадки и залы для собрания представляются гостям в качестве символов общинной деятельности.

Однако чувство собственного достоинства и гордость за свои достижения выполняют также защитную функцию. Поселения сквоттеров обычно воспринимаются как «депрессивные территории», а их постоянные обитатели — как нищие, маргиналы и даже преступники*. Слово *iskwater* (сквоттер) само по себе является оскорбительным, поскольку напоминает глагол «испражняться». Попытки неправительственных организаций (НГО) изменить представления о *maralitang tagalunsod* (городской бедноте) и представить ее в качестве позитивного политического понятия нашли слабую поддержку у сквоттеров, поскольку многие из них не очень-то обеспокоены изначальным смыслом термина, которым их называют. Вместо этого они подчеркивают — часто в похожих выражениях — положительные характеристики места их проживания:

«Я знаю, что это место выглядит перенаселенным и грязным, но я научился видеть его в другом свете. Для меня это место *maganda* (красиво); здесь спокойно, люди трудолюбивы, и многие не так уж бедны. Ну и что, что это поселение сквоттеров? Это все же хорошее место, по сравнению, например, со Смоуки Маунтин. Я даже чувствую себя счастливым, когда думаю о сквоттерах со Смоуки Маунтин» [26, р. 166].

* Немедленно после провозглашения Военного положения Фердинанд Маркос объявил сквоттерство преступлением, наказуемым заключением или штрафом. Несмотря на явную нелепость — сегодня в одной Маниле насчитывается 6 миллионов «преступников» — Декрет 772 формально оставался в силе до 1999 года.

«Гордость за свое место» [31, р. 178] и идентификацию со своим поселением не следует ошибочно принимать за деревенскую ограниченность и невежество тех, кого называют «городскими деревенскими» [32]. Жители исследованных районов хорошо знают окружающий их город и используют каждую возможность увеличить свои доходы или купить недорогой товар. Иметь доступ к городу необходимо для поддержания своего существования, а для многих только город остается основой их скромного благосостояния. И именно потому, что существование локальных территорий все время находится под угрозой, их значение гораздо больше, нежели просто место проживания. Принадлежность к местному сообществу является физической и эмоциональной предпосылкой принадлежности к городу.

Коллективная деятельность и полномочия: местные организации

Локальная территория — это пространственное образование, обладающее социальным значением и состоящее из групп, объединенных в поселение. Дееспособность, устойчивость и легитимность таких групп обеспечиваются организациями, которые претендуют на выражение мнения всей общины. Тем самым, изучение локальных ассоциаций приобретает решающее значение для нашего анализа. По мнению Р. Поетига [33, р. 42], существует тесная связь между способностью сквоттеров к организации и их интегрированностью в городское сообщество, возможностями действовать в этой среде. Поскольку бедные реально отстранены от участия в принятии политических и касающихся городской жизни решений — другими словами, они не имеют своего представительства в существующих организациях — им приходится создавать собственные организации, чтобы получить хоть какую-то частицу власти и не быть жертвами городской жизни.

Понятие «жертва» имеет здесь буквальный смысл: весь жизненный опыт сквоттера показывает, что ему не приходится ждать защиты или помощи от полиции, пожарных команд и судебных органов. Скученность деревянных застроек делает их чрезвычайно пожароопасными*, к тому же они являются легкой добычей для грабителей. Да и репутация трущобных районов как очагов преступности не лишена оснований. Следовательно, важнейшими задачами, требующими активного и надежного сотрудничества членов общины, являются обеспечение безопасности, защита от преступников и профилактика пожаров. Необходимость решения этих проблем зачастую лежит в основе организационного процесса. Неофициальные организации, занимающиеся обеспечением безопасности, так называемые «ронда» или «танод», обычно являются первыми формальными организациями, появляющимися в поселениях сквоттеров [23, р. 87]. Эти институты очень эффективно справляются с насилием, улаживают внутренние конфликты и часто вынуждают преступников убраться из сквоттерских мест обитания. Очень важна их роль в урегулировании внутренних конфликтов. Имеется постоянная «юрисдик-

*Не всегда пожары в поселениях сквоттеров начинаются случайно: запустить в их поселение горящую крысу или кошку — собаки умирают слишком быстро — весьма популярный метод борьбы землевладельцев с досаждающими им сквоттерами [ср.: 34]. Таким образом начинается пожар, который трудно остановить, и несчастное животное может поджечь множество лачуг, прежде чем умрет.

ция», но решения, разумеется, гораздо более подчинены сложившимся отношениям власти, чем просто абстрактному правосудию*. Причиной того, что эти институты до сих пор востребованы, является не только отсутствие им альтернативы, что подтверждается словами ростовщика:

«Я не всегда согласен с их действиями. Конечно, если твой оппонент — *kumpane* г-на Икс или г-на Игрек, то танод здесь не поможет. Но что тогда делать — нанимать адвоката, чтобы получить обратно свои 500 песо (15 американских долларов)? Я бы совсем разорился, и в конце концов меня бы отсюда вышвырнули. В любом случае, все образуется: здесь выиграешь, там проиграешь, но большинство их решений весьма разумны».

Расширение возможностей ассоциации за пределы повседневных потребностей — задача далеко не тривиальная. В своей сравнительной работе «Политика и городская беднота в развивающихся странах» Дж. Нельсон [36, р. 252] проводит важное различие между «стимулами» и «способностями» что-либо организовать, и отмечает, что оба эти фактора являются необходимыми условиями возникновения и дальнейшего существования организации. И стимулы, и способности зависят, во-первых, от специфических характеристик и современной ситуации в месте поселения и, во-вторых, от умений и «социальной креативности» [37, р. 168–185] его обитателей. Обычная заинтересованность может стать стимулом, побуждением к действию, если она воспринимается как важная: «По крайней мере, самая активная часть местных жителей должна понимать, что некоторые аспекты общинной жизни составляют для них первоочередную проблему — проблему, достаточно важную для того, чтобы потратить на ее решение время, энергию и некоторое количество денег. (...) Наиболее драматическим примером такой первоочередной и касающейся всех проблемы является угроза уничтожения их жилищ» [36, р. 255].

В поселениях сквоттеров эта угроза постоянно присутствует, по крайней мере, в скрытом виде, и необходимость защиты мест своего обитания является наиболее важной причиной возникновения общинных организаций. Другой причиной является проблема повышение качества услуг и обслуживания, уровень которых в трущобных районах Манилы оставляет желать лучшего. Несмотря на то, что эти проблемы затрагивают всех членов местного сообщества, они не всегда с необходимостью оцениваются как общие интересы, требующие коллективного действия. Даже если индивидуальные стратегии действия несоизмеримы, люди склонны полагаться на кланы, родственные союзы или на чье-либо покровительство, но не на местное сообщество. Насколько обоснованными являются притязания ассоциаций выступать от имени всех жителей и представлять их интересы, должно быть проверено эмпирическим путем.

Как и Элиас, Нельсон видит основание социальной сплоченности в общности исторического прошлого как фундаментальной предпосылке построения организации. Для локальных ассоциаций проблема доверия является решаю-

* Шил [35, S. 96] обсуждает применимость институционализированных механизмов регуляции в неформальном секторе и говорит о «внутренних административных инстанциях». Вне государственного контроля имеется теневой рынок земли, в котором «право на сквоттерство» продается и покупается, а доступ к наиболее привлекательным городским территориям регулируется системой «лицензий». «Внутренние» налоги (Шил) собираются коррумпированными чиновниками или преступными синдикатами.

щей: люди должны быть уверены, что активисты организации заботятся не только о себе, но и о нуждах всего поселения. Таким образом, способность к организации тесно связана с социальной сплоченностью и развитием «мысленности». Сети личных, социальных и экономических взаимодействий, отношений и взаимозависимостей, о которых говорилось выше, могут стать основой взаимного доверия и солидарности.

В ходе исследования обнаружилось значительное разнообразие организаций, одни из которых не имели какой-либо структуры или вообще бездействовали, другие — активно и успешно работали. В большинстве сквоттерских поселений Манилы существует одна главенствующая ассоциация, претендующая на выражение общих интересов и представление данной территории. Каждая из таких организаций имеет свою формальную структуру, включающую президента, вице-президента, членов правления, чиновников, среди которых есть казначей, ответственный за связи с общественностью и так называемый «сержант под ружьем» (*sergeant-at-arms*), в обязанности которого входит исполнение решений и рекрутирование добровольцев, если это необходимо. Большинство активистов организации составляют женщины старше 40 лет, свободные от занятий по воспитанию детей и отдающие все свое время и энергию делам общины. Многие ассоциации, в частности, созданные для переговоров с землевладельцами и/или администрацией, официально зарегистрированы.

Внутренняя структура местных организаций столь же далека от того, чтобы быть эгалитарной, сколь и социальные отношения в высокодифференцированных поселениях сквоттеров, не все обитатели которых живут в бедности и лишениях. Локальные сети распределяются неравномерно и сконцентрированы в относительно небольшом количестве узловых пунктов. Отдельные люди и семьи, играющие ключевую роль в социальной и экономической жизни общины, захватывают инициативу при создании организации, и почти всегда лидерство оказывается в их руках. Их функция как представителей локальной идентичности переносится на ассоциацию и тем самым одновременно институционализируется и легитимизируется. Такое положение дел подтверждается данными количественного анализа: чиновники ассоциации живут в данной местности намного дольше, чем другие поселенцы, имеют более высокие доходы и более интенсивные личные связи. Не принадлежащие к организации люди, напротив, обычно являются вновь прибывшими, они арендуют жилье или находятся за гранью нищеты. Другими словами, неучастие в деятельности организации является выражением социальной маргинальности.

Изучавшиеся в ходе исследования организации играли важную роль в структуре местной власти, контролируя доступ к политической системе и другим внешним ресурсам. Местные политики, наряду с активистами неправительственных организаций, через ассоциации предлагают свои услуги, чтобы взамен получить поддержку населения. Не подлежит сомнению то, что чиновники используют свое служебное положение для получения личных выгод. Выплата некоторой компенсации за потраченное время и деньги считается целесообразной, пока роль ассоциации как представителя интересов всех жителей не подвергается сомнению [27, р. 296]. Хотя материальное вознаграждение деятельности обычно невелико, положение чиновника весьма престижно. Существование за чужой счет, которое, по мнению Олсона, является важнейшей

помехой для развития целевых волонтерских организаций, вряд ли является в этом случае важной проблемой [38].

Для многих жителей обследованных территорий поселение является центром их повседневной жизни, а местная организация — воплощением их коллективной идентичности. Люди чувствуют себя «устроенными», по выражению Элиаса [24, р. 2]: они принадлежат определенному месту и это место принадлежит им. Определяя свою территорию и ее границы, ассоциация делает членство в ней синонимом локальной идентичности. Многие респонденты отмечают, что они «автоматически» становятся членами организации, проживая на данной территории. Даже посторонние отождествляют ассоциацию с местной общиной, например, относя поселение Уотерхол Эй к территории «Капит-Бисиг» и т.п. Большинство организаций именуется по названию соответствующей местности, часто — с добавлением слов «соседская ассоциация» или «ассоциация землевладельцев».

Фундаментальной предпосылкой легитимности, устойчивости и успеха организаций является их тесная связь с местной общиной. Организованные группы возникают накануне кризиса и серьезных общественных проблем. Однако их возникновение возможно лишь на основе ранее существовавших прочных социальных сетей и альянсов. Локальная идентичность и «мы-сознание» могут развиваться только на основе общего прошлого. Попытки НГО устроить свои организации на новом месте обычно бывают не слишком успешными, даже перед лицом серьезной внешней угрозы. Клань и клики, потерпевшие неудачу при попытке занять ведущее место, отказываются сотрудничать из-за отсутствия доверия и уверенности. Эти организации «скорее навязанные, чем укорененные», как выразился один из респондентов, и они не могут существовать без постоянной подпитки извне.

Местные группы имеют некоторую власть в решении вопросов, связанных с использованием городского пространства. Зачастую это высокоорганизованные, упорядоченные, устойчивые, целенаправленные ассоциации, отвечающие критериям Вирта [13], сформулированным для общественных организаций, но не для организаций этого уровня. Однако в то время, когда одни организации способны обеспечить защиту своих районов, эффективно препятствуя и сопротивляясь планам землеустроителей, городского правительства и корпораций, другим это не удастся и они прекращают свое существование.

Роль местных организаций в защите и легализации поселений сквоттеров

Разнообразие трущоб и сквоттерских поселений в Маниле огромно, но еще большим разнообразием отличаются общественное положение их обитателей и социальные ситуации, в которых они оказались. Отбор поселений для проведения исследования был нацелен на отражение всего этого многообразия и не ставил перед собой цели «репрезентативности». По этой причине исследованные поселения имели мало общего между собой, за исключением двух моментов: всем им удалось просуществовать в условиях крайне враждебного окружения более 20 лет и все они выработали сильную и устойчивую организационную структуру. В качестве гипотезы можно выдвинуть предположение о том, что оба эти обстоятельства тесно взаимосвязаны: в процессе формирова-

ния своей ассоциации обитатели трущоб осознают свои интересы как общие и таким образом приобретают способность к коллективному действию и конфликту. Они укрепляют свои позиции, формируют вертикальные связи с потенциальными союзниками и демонстрируют способность противостоять попыткам разрушить то место, которое они называют «своим».

В одном исследовании можно показать в лучшем случае лишь взаимосвязь между функционированием организации и ее способностью к сопротивлению. Только сравнительный анализ всех побед и поражений в борьбе за городскую землю и изучение роли местных ассоциаций в этих конфликтах может обеспечить более надежное свидетельство. Однако исследований, посвященных сносу сквоттерских поселений, очень мало. Заслуживает внимания научно-исследовательская работа, спонсированная Азиатской коалицией по жилищному праву [16]. В рамках этого проекта Мэрфи и его коллеги составили список всех известных попыток сноса поселений в Маниле в 1986—1991 гг. и провели подробное исследование 46 таких случаев. Из-за очевидной методологической проблемы — немногие из тех, кто пострадал, могли быть проинтервьюированы, поскольку в основном оказались рассеянными по всему городу, — собранный материал является достаточно фрагментарным. Но тем не менее он свидетельствует о том, что местные ассоциации часто оказывают серьезное сопротивление. Одни успешно защитили свою общину от выселения, другим удалось получить приемлемый участок для переселения и/или финансовые компенсации. Однако большая часть организаций в своей деятельности не достигает никаких результатов. Возможности непосредственного сопротивления местных организаций попыткам сносов жилья — как бы самоотверженны они не были — весьма ограничены. Даже хорошо организованные сквоттеры не могут состязаться с хорошо вооруженными полицейскими или наемными бандитами.

Однако исследования разрушений, как правило, не принимают во внимание тот факт, что многим давно существующим поселениям сквоттеров выселение никогда серьезно не угрожало. Помимо оказания прямого сопротивления, общины и локальные организации играют важную роль, влияя на земельный рынок и, таким образом, на физический облик города. Занятая сквоттерами городская земля значительно обесценивается, поскольку она недоступна для рынка. Рыночная стоимость земли в некоторых частях города является просто фикцией: если владелец захочет использовать такую землю или продать ее по разумной (или, скорее, завышенной) цене, он должен будет сначала установить над ней фактический контроль. Подача законного иска — процесс утомительный, дорогостоящий и опасный. Приведение в исполнение решения о сносе домов нередко тормозится местными политиками, желающими завоевать таким образом популярность среди своих избирателей. Закон о городском развитии и жилищном строительстве (UDHA) (1992 г.) предоставил сквоттерам дополнительные возможности. Он устанавливает, что «практике выселений и сносов жилья должен быть положен конец» (статья VII, п. 28), и перечисляются ситуации, в которых допускается снос. Условие обязательного переселения значительно увеличивает стоимость освобождаемой из-под сквоттерских поселений земли.

Хотя страх сноса и выселения все еще остается частью повседневной жизни манильских сквоттеров, в последние годы эта проблема все чаще стала ре-

шаться посредством переговоров. Были сделаны попытки разрешения жилищных проблем путем передачи земли и легализации существующих поселений. Реализация Ипотечной программы (СМР) была весьма успешной, поскольку предлагала разумный компромисс. Владельцы соглашаются значительно уменьшить цену земли, что позволяет им восстановить мертвый капитал неприсчитываемых затрат на снос домов и на риск; многие сквоттеры готовы заплатить за безопасность и предотвращение угрозы уничтожения своих жилищ суммы, которые никогда ранее не учитывались. В ходе исследования ряда городских территорий выяснилось, что местные жители платили только около 15—20% рыночной стоимости такой же незанятой земли, расположенной по соседству. Принадлежащая государству земля часто продается даже по более низким ценам*. Однако такая ситуация, конечно, невозможна в лучших районах города, где даже 10% рыночной стоимости земли является чрезвычайно высокой ценой по сравнению со многими другими районами Манилы. В таких случаях программы переселения сталкиваются с проблемой достижения согласия. Многие местные организации готовы скорее пойти на открытую конфронтацию, чем добровольно покинуть свои территории.

Но даже успешно завершившиеся переговоры порой приводят к серьезным конфликтам по причине социальной дифференциации, характеризующей население трущобных районов и поселений сквоттеров. Когда ассоциация согласна на предложенные уступки в цене, это моментально вызывает напряженность между более состоятельными семьями, которым это финансовое бремя вполне по плечу, и семьями с низким или нерегулярным доходом, которые не могут и не желают платить за безопасность. Хотя земельные программы, помпезно называемые «городской земельной реформой», предназначены для облегчения жизни бедных слоев населения, они неизбежно исключают из рассмотрения существенную часть местных жителей, и среди них беднейших из бедных. Иными словами, даже успех в борьбе за городскую территорию заставляет усомниться в справедливости притязания ассоциаций на представление интересов всего населения и, следовательно, ведет к внутреннему противостоянию.

Неспособность к интеграции заметна уже в начале процесса переговоров, которые предъявляют строгие формальные требования к ассоциации и налагают существенные обязательства (предоплата, обязательное наличие сбережений и т.п.) на ее членов. Результатом становится сужение круга людей, заинтересованных в результатах переговоров: в то время как отношения чиновников аппарата и активных членов становятся более интенсивными, число номинальных членов, многие из которых бедны и необразованны, сокращается. Чем более определенной становится перспектива будущих платежей, тем большее количество людей решает, что они не могут согласиться на урезание своего семейного бюджета.

То, что начинается как процесс внутреннего деления, часто проявляющийся в создании контр-ассоциаций, почти неизбежно превращается затем в открытый и жестокий конфликт. После получения прав собственности ассоциа-

*Подобный опыт Латинской Америки описывает Шуурман [39, р. 19]: «Пока идет борьба, государство рассматривается как противник. Как только государство начинает гарантировать права на землю, от него требуют, чтобы оно защищало эту частную собственность».

ция должна заплатить за землю — точнее говоря: за *всю* землю. Землевладельцы не заинтересованы в продаже разрозненных участков и оставлении за собой тех, обитатели которых желают остаться сквоттерами. Бенефициарии, таким образом, должны заплатить не только за свою собственную землю, но также и за участки людей, не являющихся членами организации. С другой стороны, на эту землю существует большой спрос как в самом районе, так и за его пределами. Многие местные жители хотели бы увеличить площадь своих перенаселенных жилищ, построить помещения, чтобы сдавать их в аренду, или пригласить родственников из пригорода переехать в Манилу. Для людей со стороны земля, ранее заселявшаяся сквоттерами, представляет собой необыкновенно выгодное приобретение. В итоге начинается жестокая кампания против сквоттеров, начинающаяся с оскорблений и угроз и зачастую заканчивающаяся насилием и кровопролитием. На территории действия Ипотечной программы в Квезон-сити новые землевладельцы вывесили плакат с пресловутым Президентским декретом 772 Маркоса, в котором сквоттерство объявляется преступлением, провоцируя таким образом население на действия против «пирающих закон» сквоттеров*.

Результатом осуществления Ипотечной программы стала де-дифференциация, которая вскрыла чудовищную социальную дифференциацию среди так называемой бедноты. В то время, как маргинальные слои населения вытесняются своими соседями и вынуждены искать прибежища в других сквоттерских поселениях, прежние трущобные районы становятся территориями проживания среднего класса**. Было бы неверно рассматривать этот процесс как вторжение или социальное облагораживание, поскольку присущее среднему классу стремление к безопасности и респектабельности характерно для большинства местного населения, в особенности для сторонников организации. «Мелкобуржуазность сознания» так называемой городской бедноты, критикуемая многими исследователями [40, р. 43 – 72; 27, р. 520], обусловлена тем обстоятельством, что многие ее представители *являются* мелкими буржуа, чья единственная претензия к власти — неудовлетворенность своим жильем в городе.

Заключение

Среди специалистов, занимающихся городским планированием, а также других экспертов бытует представление о трущобных кварталах и поселениях сквоттеров как о чем-то отсталом и маргинальном, как о пережитке незавершенного развития. Но такое мнение совершенно не соответствует действительности: трущобные кварталы и поселения сквоттеров — не «городские деревни» в экологическом смысле, но часть городского разнообразия и разнообразности, которые составляют суть города и городской жизни [13]. Появление общинных территорий и их защиту необходимо рассматривать в качестве ответной реакции на городскую среду. Локальная фрагментация является не просто «изнанкой» глобализации, а особой формой противодействия этому процессу,

* Это изменение легко заметить: не принуждаемые больше содержать движимую собственность землевладельцы неохотно инвестируют средства в модернизацию и расширение своих домов.

**Незаконный статус поселений сквоттеров не означает, что их жители не платят за использование городской земли: «Бесплатного жилья не бывает» [16, р. VII, Footnote 12].

значительно влияющей на формирование Манилы как одного из мировых центров. «Самостоятельное решение жилищного вопроса», как мягко называется сквоттерство, доказало свою гораздо большую эффективность в вопросах использования городских площадей и связанных с этим материальных затрат, чем все попытки решения данной проблемы государством и частным сектором. Возможности последнего, правда, весьма ограничены: становящаяся частью глобального мира столица предлагает гораздо более выгодные способы использования земли, чем мало доходное жилищное строительство.

Захват сквоттерскими общинами драгоценной городской земли создает постоянные конфликты и конфронтации, последствия которых часто непредсказуемы. Крупные поселения сквоттеров, существующие 30 и более лет, находятся в непосредственной близости от политических и экономических центров Манилы. Готовность их жителей к коллективному действию и конфликту является непременным условием оказания сопротивления выселению. Однако говорить о «движении» и «возможностях» городской бедноты следует с известной долей осторожности. Сами по себе местные организации не могут соперничать с фирмами, занимающимися городским планированием, международными инвесторами и другими претендентами на ограниченное городское пространство. Кроме того, арсенал имеющихся у них средств весьма ограничен и связан в основном с защитой своих интересов и своей территории; связей на уровне, выходящем за пределы общины, мало; чувство солидарности развито недостаточно. Однако, несмотря на все это, сквоттерским организациям в Маниле удается находить союзников среди неправительственных организаций, в средствах массовой информации и — благодаря большому числу голосов избирателей — среди политических деятелей. Подтверждением этого союза служат весьма прогрессивное законодательство и финансирование актов передачи земли.

Как можно оценить процесс локальной фрагментации? Ведет ли она к улучшению качества городской жизни в Маниле или же, напротив, к маргинализации и *аномии*? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Поселения сквоттеров, хотя и не представляют собой хрестоматийных «нищих кварталов», конечно, не являются при этом идиллическими, тихими местами. Многие из них являются по сути мелкими феодальными поместьями хозяев трущоб или находятся под контролем полукриминальных синдикатов, получающих прибыль от удовлетворения потребностей в жилье вне рынка жилья. Для социальных отношений внутри таких поселений характерны не только высокая степень доверия людей друг к другу, но также неравенство, эксплуатация и зависимость. Сопротивление, которое сквоттеры оказывают властям, нередко носит партикуляристский характер, игнорирует законные права других и порой препятствует даже весьма разумным проектам развития. С другой стороны, местные общины создают эффективные механизмы умиротворения и контроля за насилием; конфликты, как правило, улаживаются без вмешательства внешних институтов, таких как полиция или городская администрация. Кроме того, локальная среда играет важную роль в адаптации и социализации мигрантов из сельской местности, приспособляющая их к жизни среди городского разнообразия [41, р. 29 – 40]. Короче говоря, местные общины являются многофункциональными образованиями, неотъемлемой частью глобализирующегося города.

Расположение крупнейших городов России — Москвы и Санкт-Петербурга — выглядит благоприятным с точки зрения получения многих выгод от интеграции в мировое сообщество. Вопрос заключается в том, какое влияние это окажет на жизнь горожан. Очевидно, что в настоящий момент государство не в состоянии обеспечивать людей жильем, а длительный экономический рост, сопровождающийся справедливым распределением жилой площади — перспектива маловероятная. Таким образом, городское управление столкнется со многими проблемами, характерными сегодня для Манилы, и учет филиппинского опыта может оказаться весьма полезным.

*Перевод с английского О.В. Шипилиной
под научной редакцией Н.Г. Скворцова*

Литература

1. Ferguson M. The Mythology about Globalization // European Journal of Communication. 1992. Vol. 7.
2. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.
3. Global Modernities / Eds. M. Featherstone, S. Lash, and R. Robertson. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1995.
4. Holm H.-H., Sorensen G. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War. Boulder: Westview, 1995.
5. Knight R., Gappert G. Preface // Cities in a Global Society / Eds. R. Knight and G. Gappert. Newbury Park; London; New Delhi: Sage, 1989.
6. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. New York: Princeton University Press, 1991.
7. Weber M. The City / Trans. and ed. by D. Martindale and G. Neuwirth. New York; London: Free Press, 1958.
8. Sassen S. Identity in the Global City: Economic and Cultural Encasements: Paper presented at the conference: The Geography of Identity, University of Michigan, 4–5 February. 1994. University of Michigan, 1994.
9. Berner E., Korff R. Globalization and Local Resistance: The Creation of Localities in Manila and Bangkok // International Journal of Urban and Regional Research. 1995. Vol. 19.
10. Davis M. City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles. London: Verso, 1990.
11. Marcuse P. 'Dual City': A Muddy Metaphor for a Quartered City // International Journal of Urban and Regional Research. 1989. Vol. 13.
12. Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1991.
13. Wirth L. Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. No. 1.
14. Daus R. Manila: Essay über die Karriere einer Weltstadt. Berlin: Opitz, 1987.
15. Berner E. Defending a Place in the City: Localities and the Struggle for Urban Land in Metropolitan Manila. Quezon City: Ateneo de Manila University Press, 1997.
16. Murphy D. The Urban Poor: Land and Housing. Bangkok: Asian Coalition for Housing Rights, 1993.
17. Evers H.-D. Urban Landownership, Ethnicity and Class in Southeast Asian Cities // International Journal of Urban and Regional Research. 1984. Vol. 8.
18. Lefebvre H. Le droit à la ville suivi de Espace et politique. Paris: Anthropos, 1974.
19. Bronger D. Economic Planning and Regional Development in the Philippines // Economy and Politics in the Philippines Under Corazon Aquino / Ed. B. Dahm. Hamburg: Deutsches Übersee-Institut, 1991.
20. Castells M. The Urban Question. London: Arnold, 1977.
21. Castells M. The City and the Grass Roots. London: Arnold, 1983.
22. Friedmann J., Salguero M. The Barrio Economy and Collective Self-Empowerment in Latin America: A Framework and Agenda for Research // Power, Community and the City / Ed. M. Smith. New Brunswick; Oxford: Transaction, 1988.

23. Laquian A. Slums are for People: The Barrio Magsaysay Pilot Project. Manila: UP College of Public Administration, 1969.
24. Elias N. (with J. Scotson). The Established and the Outsiders: A Sociological Enquiry into Community Problems. London: Cass, 1965.
25. Suttles G. The Social Order of the Slum: Ethnicity and Territory in the Inner City. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
26. Jocano F. Slum as a Way of Life: A Study of Coping Behavior in an Urban Environment. Quezon City: New Day, 1975.
27. Goss J. Production and Reproduction Among the Urban Poor of Metro Manila: Relations of Exploitation and Conditions of Existence (Ph.D. Thesis). Lexington: University of Kentucky, 1990.
28. Thorbek S. Voices from the City: Women of Bangkok. London: Zed, 1987.
29. Hollnsteiner M. The Dynamics of Power in a Philippine Municipality. Quezon City: Community Development Research Council, University of the Philippines, 1963.
30. Foster G. What is Folk Culture? // *American Anthropologist*. 1953. Vol. 55.
31. Pinches M. The Working Class Experience of Shame, Inequality and People Power in Tatalon, Manila // *From Marcos to Aquino: Local Perspectives on Political Transition in the Philippines* / Eds. B. Kerkvliet and R. Mojares. Quezon City: Ateneo de Manila Press, 1991.
32. Gans H. The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. New York: Free Press, 1962.
33. Poethig R. Life Style of the Urban Poor and People's Organisations // *Solidarity*. 1972. Vol. VII.
34. Tabora J. Rats, Molotov Cocktails, Hellfire // *Manila Chronicle*. 1991. January. No. 26.
35. Schiel T. Suche nach Sicherheit und Sehnsucht nach Geborgenheit: 'Dualwirtschaft' und 'informeller Sektor' als Phänomen und Fiktion // *Zeitschrift für Soziologie*. 1987. Bd. 16.
36. Nelson J. Access to Power: Politics and the Urban Poor in Developing Nations. New York: Princeton University Press, 1979.
37. Korff R. Social Creativity, Power and Trading Relations in Bangkok // *Third World Urbanization: Reappraisals and New Perspective* / Ed. S. Datta. Stockholm: HSFR, 1990.
38. Olson M. The Logic of Collective Action. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
39. Schuurman F. Urban Social Movements: Between Regressive Utopia and Socialist Panacea // *Urban Social Movements in the Third World* / Eds. F. Schuurman and T. van Naerssen. London; New York: Routledge, 1989.
40. Evers T. Identity: The Hidden Side of New Social Movements in Latin America // *Social Movements and the State in Latin America* / Ed. D. Slater. Amsterdam: CEDLA, 1985.
41. Hollnsteiner M. Becoming an Urbanite: The Neighborhood as a Learning Environment // *The City as a Centre of Change in Asia* / Ed. D. Dwyer. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1972.